

ТЕНИ БЕЛОЙ ПРИСТАНИ

ГОРОД, КОТОРОМУ ЗАДОЛЖАЛИ

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Алёна Северина

Город, которому задолжали

«Автор»

2026

Северина А.

Город, которому задолжали / А. Северина — «Автор», 2026

Вернувшиеся из Дома жители требуют свои дома, годы и имена. Но город давно распределил их имущество, и за каждым старым договором скрываются семьи, которые не виноваты в исчезновениях. Мира и Лев ищут способ восстановить справедливость, не разрушив новые жизни. Правда о долгах прошлого испытывает их союз и обнажает опасную связь Белой Пристани с другими портами.

© Северина А., 2026

© Автор, 2026

Алёна Северина

Город, которому задолжали

Глава 1. Чужая дверь

У дверей квартиры номер шестнадцать Светлана Нечаева остановилась, как останавливаются перед старым знакомым, которого не уверены, что узнают. На медной табличке было написано «Орловы». Дверь покрасили в светло-серый цвет, вместо привычного звонка установили небольшую камеру. Но царапина на косяке осталась та же: двадцать четыре года назад Светлана задела его детской коляской, когда торопилась в поликлинику.

Она провела по царапине пальцем.

— Это мой дом, — сказала она.

Соня Веденина стояла рядом, держа папку с документами. Она приехала по просьбе Светланы не как представитель городского фонда, а как человек, который знал, что означает выйти из Дома и обнаружить вокруг совершенно иную жизнь.

— Здесь сейчас живёт другая семья, — осторожно сказала Соня. — Мы договорились только о разговоре.

— Я понимаю.

Светлана не выглядела человеком, который собирается выгонять жильцов. На ней было старое пальто с аккуратным воротником, волосы собраны в узел. В её руках — маленький ключ, потемневший за годы хранения. Она знала, что ключ больше не подойдёт. Но бросить его не могла.

Дверь открыла женщина лет сорока в домашнем свитере. За её спиной пахло жареным хлебом, слышались детские голоса. Светлана увидела стены, которые сама когда-то оклеивала обоями, и почувствовала такую острую боль, что ухватила за перила.

— Вы из фонда? — спросила хозяйка.

— Меня зовут Светлана Нечаева. Я жила здесь раньше.

Женщина кивнула.

— Я Лена Орлова. Мы купили квартиру у муниципального агентства двенадцать лет назад. Все бумаги были в порядке. Мне сказали, что вы хотите посмотреть старые фотографии.

Светлана молчала. Её дочь тоже звали Леной, и на секунду ей показалось, что время сделало невозможную петлю. Но девочка, которую она оставила на руках у соседки двадцать четыре года назад, сейчас должна была быть взрослой женщиной, живущей где-то в другом городе. Эта Лена ничего не знала о той.

— Можно? — спросила Светлана.

Хозяйка отступила в сторону. Соня заранее объяснила ей, что речь не о немедленном выселении, и она согласилась на короткий визит при условии, что дети не будут участвовать в споре взрослых.

В прихожей висели разноцветные школьные куртки. На кухне стоял высокий холодильник, которого Светлана никогда не видела. Но на подоконнике сохранилась неглубокая трещина, оставшаяся после того, как муж много лет назад неудачно менял раму.

— Здесь росла моя дочь, — сказала Светлана, не отрывая взгляда от окна.

Лена Орлова осторожно поставила чайник.

— Наша младшая тоже любит сидеть на этом подоконнике. Я всё обещаю его заменить.

— Не заменяйте, — вдруг попросила Светлана, потом поправилась: — Простите. Это не моё дело.

Лена ничего не ответила. Женщины стояли напротив друг друга, и обе понимали: у каждой есть право считать эту кухню своей.

Светлана показала старую фотографию. На ней молодой мужчина в рабочем халате держал девочку в красном платье. За их спинами был тот же подоконник. Лена Орлова посмотрела и неожиданно узнала кухонную плитку, которую они с мужем нашли под новой отделкой.

— Мы никогда не знали, кто здесь жил, — призналась она. — В договоре было сказано: объект свободен от прав третьих лиц. Мы брали кредит, проверяли документы. Ни одной претензии.

— И не могли знать, — сказала Соня.

Светлана подняла взгляд.

— Но я никуда не уезжала добровольно. Меня записали исчезнувшей в городском реестре. Мужу сказали, что я бросила его. А потом он умер, пока я находилась в Доме. Квартиру признали бесхозной.

У Лены Орловой дрогнула рука.

— Мне очень жаль. Но у нас тоже нет другой квартиры. Мы двадцать лет выплачивать не могли, двенадцать платили. Здесь у детей школа.

— Я не прошу вас уйти, — сказала Светлана, хотя минуту назад не знала, сможет ли произнести это честно. — Я прошу город объяснить, кто распорядился моей жизнью, пока я не могла сказать ни слова.

Соня записала фразу дословно. Это было начало дела, которое через несколько недель разделило Белую Пристань сильнее любой мистической загадки.

* * *

В архиве Мира Ланская уже ждала их. После истории Бюро безопасного будущего она научилась не удивляться тому, что обычная бумага может оказаться опаснее двери в неизвестное. Но в деле Светланы её тревожило другое: все документы были настоящими.

Муниципальная комиссия признала квартиру не востребовавшей через шесть лет после исчезновения Нечаевой. Затем её передали городскому агентству, потом выставили на продажу. Каждый этап прошёл законную регистрацию по правилам своего времени. Нигде не было видимой подделки. Главная ложь стояла в самом начале, в старом реестре, где живую женщину объявили отсутствующей без возможности вернуться.

— Значит, если отменить первую запись, рухнет вся цепочка, — сказал Лев.

Он сидел рядом с Мирой, перелистывая акты. Они уже не скрывали, что живут вместе несколько ночей в неделю, но избегали принимать важные решения друг за друга. В деле о будущем это стало правилом; в деле о прошлом — трудным испытанием.

— И пострадают Орловы, которые ничего не знали, — ответила Мира. — Но если оставить запись, получится, что Светлана действительно не имела права на собственную квартиру.

— Нужно разделить ответственность за незаконное изъятие и права добросовестного покупателя.

— Для этого понадобится не одна справка.

Лев нашёл адрес регистрационного агентства. Оно давно было ликвидировано, но его архив передали городскому департаменту имущества. Проблема заключалась в том, что часть папок относилась к периоду, когда договор памяти ещё позволял списывать исчезнувших как людей, переставших существовать для города. В таких случаях жильё считалось не наследством, а «ресурсом компенсации».

— Компенсации кому? — спросила Мира.

В одном из актов стояла непонятная отметка: «Счёт береговой устойчивости. Задолженность погашена». Рядом — сумма, слишком большая для небольшой квартиры. Светлана никогда не брала кредит и не подписывала договор с банком. Но город словно использовал её отсутствие, чтобы погасить собственный долг.

К вечеру к делу прибавились ещё восемь обращений. Среди них были дома, гаражи, небольшие мастерские, участок у набережной. На каждом правоустанавливающем документе

Мира обнаруживала такой же штамп. Иногда суммы различались, иногда указание на счёт было вовсе затёрто. Но слова «береговая устойчивость» повторялись.

— Это не отдельные продажи, — сказала она. — Это система учёта. Кто-то превратил исчезнувших людей в источник средств для городского строительства.

Лев позвонил Мельникову. Инженер подтвердил, что после первого большого затопления в городе создали специальный фонд безопасности. Откуда туда поступали деньги, он не знал. По документам ремонт северного канала долго не проводили, зато оплаченные расходы на аварийные работы появлялись каждый год.

— Прекрасно, — сказал Мельников без всякой радости. — Получается, люди платили собственными домами за ремонт, которого никто не делал.

В тот же вечер Соня встретилась с несколькими вернувшимися. Одни хотели вернуть жильё любой ценой, другие соглашались на компенсацию, третьи требовали публичного признания: они не бросали детей, не уходили от семей, не исчезали добровольно. Женщина по имени Лариса заявила, что не собирается требовать квартиру, если для этого придётся выгнать нынешних жильцов.

— Я не была призраком, — сказала она. — Я жила всё это время. Мне нужны документы, работа, медицинская помощь и ответ, кто решил, что меня больше нет. Квартиру я не хочу отбирать у детей.

Ей возразил пожилой мужчина, который вернулся в город и нашёл на месте своего дома автостоянку.

— А если мы все будем добрыми, город скажет спасибо и ничего не заплатит, — сердито заметил он. — Нам и так предлагают радоваться, что мы живы.

Соня слушала обоих, не пытаясь выбрать одну правильную позицию. Она слишком хорошо знала, что люди, пережившие несправедливость, не становятся одинаковыми только потому, что их называют пострадавшими.

Позже она позвонила Мире.

— Мне нужен юридический совет, но я не хочу, чтобы фонд выступал от имени всех без разрешения. Некоторые согласны на переговоры, другие требуют суда.

— Тогда организуем встречу с несколькими независимыми адвокатами, — ответила Мира. — Пусть люди выберут сами.

Лев согласился помочь с поиском старых регистрационных дел, но сразу предупредил: уголовное расследование не заменит гражданских исков. Даже если виновных найдут, это не решит автоматически, кому принадлежит квартира и кто заплатит за двадцать четыре потерянных года.

Мира легла спать поздно. Перед сном она обнаружила в собственной семейной папке старую квитанцию. На ней стояла фамилия бабушки — Нины Ланской — и та же отметка «Счёт береговой устойчивости». Деньги были перечислены за небольшую квартиру на улице Пекарей, где Мира провела детство.

Она долго смотрела на бумагу. Бабушка спасала забытых, рисковала памятью, пыталась изменить договор. Неужели сама воспользовалась его незаконными средствами? Или город оформил её жильё так же, как жильё всех остальных, скрыв чужой долг под аккуратным штампом?

Мира не захотела делать вывод до проверки. Она положила квитанцию в отдельный конверт и записала источник. Утром покажет Льву и попросит проверить, не связана ли квартира с исчезнувшим владельцем.

За окном шёл тёплый летний дождь. Белая Пристань готовилась к сезону отпусков, ремонтировала набережную и устраивала ярмарку рыбы. Люди хотели жить спокойно после месяцев невероятных событий. Мира понимала их. Но невозможно построить спокойствие на земле, которую кто-то потерял, не имея права возразить.

В темноте ей вспомнились слова бабушки: «Вещи — это не мы. Но иногда через них кто-то может нас найти».

Теперь Мира поняла, насколько тяжёлым может быть такое возвращение. Дом действительно сохранял имена. Но город распорядился тем, что осталось без хозяина, и теперь каждому предстояло решить, что справедливо делать с чужим прошлым.

На следующий день Светлана Нечаева должна была встретиться с дочерью, которую не видела двадцать четыре года. Мира надеялась, что эта встреча не станет ещё одной тяжбой о том, кому принадлежит место за семейным столом.

Она закрыла конверт. Впервые за долгое время ей хотелось, чтобы документы не ожидали. Но бумага уже сделала своё дело: открыла дверь, которую никто не собирался открывать.

Глава 2. Цена квадратного метра

В департаменте имущества запах свежего ремонта смешивался с привычной канцелярской пылью. На стене висела большая фотография новой набережной, снятая в солнечный день. Мира заметила, что на снимке не видно ни Рыбачьего спуска, ни старой насосной станции. Город любил показывать тот берег, где прошлое не мешало продажам.

Начальница финансового управления Виктория Платова встретила их без улыбки. Ей было около сорока пяти, она носила строгий тёмный костюм и говорила короткими точными предложениями. На столе лежали два калькулятора, пачка распечаток и детская фотография в простой рамке.

— У меня есть двадцать минут, — сказала она. — Если вы пришли требовать немедленного возвращения всей муниципальной недвижимости, предупредите сразу: город не выдержит даже первых ста исков.

— Мы пришли выяснить происхождение средств, — ответила Мира. — На старых договорах стоит пометка о счёте береговой устойчивости. Что это такое?

Платова открыла папку с архивными балансами. Она не скрывала, что фонд существовал, но говорила о нём как о бухгалтерском факте, а не преступлении.

— После затопления семьдесят восьмого город создал резерв для восстановления инфраструктуры. Позже туда поступали доходы от продажи бесхозного имущества, штрафы, целевые сборы. Средства должны были тратить на дамбы, эвакуационные пункты и аварийные работы. Фонд ликвидировали во время административной реформы.

— А куда делись деньги?

— Часть перечислили в бюджет, часть пошла на текущие расходы. Точная сумма спорная. Большая часть документов существовала только на бумаге.

Лев показал акты по квартире Светланы Нечаевой.

— Этот объект попал в фонд после признания владелицы отсутствующей. Теперь выяснилось, что её отсутствие было следствием незаконного договора памяти. Кто отвечает за сделку?

— За исходное решение — комиссия, которая его принимала. За последующую продажу — агентство. За нынешнюю регистрацию — современный реестр. Ответственность нельзя положить на одну строчку.

— Но город получил деньги, — сказала Мира.

Платова не спорила.

— Получил. И потратил. Вы предлагаете взыскать их с сегодняшних жителей? У нас школы, больницы, водосброс, который вы сами просите срочно отремонтировать.

На миг Мира поняла, почему эта женщина раздражает её сильнее Арсеньева. Она не скрывала неудобной правды. Она показывала цену исправления несправедливости, которую город привык считать прошлым.

— Мы не предлагаем закрыть больницы, — сказала Мира. — Мы предлагаем показать, кто именно заплатил за них, не давая согласия.

Платова переложила бумаги.

— Хорошо. Пришлите письменный список дел. Мы восстановим движение средств. Но не обещайте людям, что каждый получит свою прежнюю квартиру. Это может оказаться невозможно без новой несправедливости.

— Именно поэтому нам нужен полный список, — ответил Лев.

После встречи они вышли на улицу. На площади дети кормили голубей; пожилой мужчина спорил с продавцом овощей из-за цены картошки. Город не выглядел должником. Он выглядел усталым местом, где люди по-прежнему думали о работе, обеде и ремонте.

— Она права насчёт денег, — сказал Лев.

— И насчёт невозможности всем вернуть старое жильё, — признала Мира. — Но когда цену расплачивались платить одни, а выгоду получали другие, нельзя просто развести руками. Он посмотрел на неё.

— Ты уже проверила квартиру бабушки?

Мира вынула из сумки квитанцию. На ней была фамилия Нины Ланской и тот же счет. Лев остановился.

— Это может касаться тебя.

— Поэтому я не хотела вести дело одна.

Они договорились, что Мира передаст документы по собственной квартире независимому специалисту и не будет принимать решения о спорных правах на неё. Лев с осторожностью относился к конфликтам интересов, а Мира впервые не восприняла его совет как недоверие. Она знала, сколько раз добрые намерения превращались в оправдание чужой власти.

В архиве Анна Куликова уже подготовила новую подборку. Она собирала не только свидетельства о собственности, но и заявления людей, которых признали исчезнувшими. Среди них были дети, на момент пропажи не имевшие права владеть имуществом; взрослые, которые успели продать квартиры до исчезновения; люди, никогда не имевшие собственности вообще.

— Мы не должны называть всех одинаковыми пострадавшими, — сказала Анна. — Иначе у кого-то будет возможность сказать: «Кто не потерял квартиру, тот не имеет претензий». Люди потеряли годы, близких, документы, свободу. Не всякий ущерб измеряется квадратными метрами.

Соня пришла после обеда с представителями фонда. Они принесли списки добровольных заявителей и предложения о форме правовой помощи. Среди них выделялась молодая женщина по имени Алиса Морозова, вернувшаяся из Дома всего месяц назад. Алиса работала учителем до исчезновения и теперь хотела получить не прежнюю квартиру, а подтверждение своего стажа.

— Я не могу устроиться в школу, — сказала она. — По бумагам я умерла или уехала. А детей я учила двадцать лет. Если мне предложат деньги вместо возможности работать, я не соглашусь.

Рядом сидел Семён Гусев, бывший портовый крановщик. Он хотел вернуть гараж и небольшую мастерскую, которую построил с отцом. Сейчас там находился магазин автозапчастей, хозяин которого не знал о прежнем владельце.

— Почему я должен радоваться компенсации за гараж, где мой отец учил меня держать инструмент? — спросил Семён. — Эти стены имеют для меня значение, которого не записать в квитанции.

Соня дала ему время закончить.

— Вы можете требовать именно восстановления права на помещение, — сказала она. — Но нам нужно будет выслушать нынешнего владельца. И найти законный путь, который не сделает его виновным автоматически.

Мира слушала и думала: люди вернулись не из одной беды, а из множества разных. Нельзя было построить справедливость, просто раздав каждому одинаковую сумму.

Вечером пришло письмо из финансового управления. Платова нашла бухгалтерский след: часть средств от продажи исчезнувшего имущества действительно использовали для погашения кредита, оформленного на восстановление старого северного канала. Но банк, выдавший кредит, давно перестал существовать. Его обязательства перешли к другому учреждению, затем к третьему, а последний договор хранился в областном архиве.

— Как удобно, — заметил Лев. — Долг есть, но кредитора уже не найти.

— Возможно, наоборот, — сказала Мира. — Найти кредитора легче, чем людей, чьи квартиры продали ради выплаты.

Она изучила реквизиты. На одном из платёжных поручений стоял номер, совпадавший с архивным индексом бабушкиной квартиры. В описи имелась строка: «Перечислено на свидетельский фонд. Получатель: Вера Соколова». Это было прежнее имя Нины Ланской, о котором Мира узнала лишь после открытия Дома.

Сердце у неё сжалось. Бабушка могла принимать деньги от системы, против которой боролась. Но что означал «свидетельский фонд»? Компенсацию за утраченную память? Оплату работы по сохранению имён? Или часть денег, отнятых у других людей?

Мира не стала звонить Марте ночью. Она записала вопрос и положила документ в прозрачную папку. Ей не хотелось снова совершать старую ошибку — защищать дорогого человека скрытой правдой. Но говорить о бабушке публично до проверки было бы несправедливо и к её памяти.

На следующее утро Светлана Нечаева пришла в архив вместе с взрослой дочерью Еленой. Девушке было тридцать два года. Она работала в другом городе, носила короткую стрижку и держалась так прямо, будто боялась, что любое движение сделает её уязвимой.

— Мама? — произнесла она при встрече.

Светлана протянула руки, но Елена осталась на расстоянии.

— Мне сказали, что ты умерла. Потом — что ушла от нас. Я двадцать четыре года жила с этой историей. А теперь мне говорят, что всё было неправдой, и я должна сразу обнять тебя.

Светлана отняла руки.

— Не должна.

— Я не знаю тебя.

— И я тебя почти не знаю. В последний раз тебе было восемь. Ты боялась большого жёлтого автобуса и любила бутерброды с солёным сыром. Сейчас я даже не знаю, что ты ешь на завтрак.

Елена неожиданно засмеялась сквозь слёзы.

— Кофе. И обычно ничего больше.

— Тогда я могу хотя бы пригласить тебя на завтрак, — сказала Светлана. — Без рассказов о том, как правильно быть дочерью.

Они ушли вместе, не касаясь друг друга. Соня проводила их взглядом и тихо сказала Мире:

— Вот это важнее квартиры. Хотя квартиру тоже нельзя просто забыть.

Мира согласилась. Но спустя два часа в архив явилась Лена Орлова, нынешняя хозяйка квартиры. Её дети узнали от соседей, что кто-то собирается выселять семью. В школе мальчику сказали, что они живут «в украденном доме». Лена едва сдерживала ярость.

— Мы никого не обманывали, — сказала она. — Мы купили квартиру, платим налоги, сделали ремонт. Почему мой сын должен отвечать за то, что город совершил двадцать лет назад?

Мира не стала защищать фонд красивыми словами. Она сказала, что детских травм нельзя объявлять побочным эффектом исторической справедливости. Предложила встретиться с представителем юридической службы, чтобы получить подтверждение: до решения суда семью никто не имеет права выселить.

— А Светлана? — спросила Лена. — Ей тоже кто-нибудь это объяснит?

— Она сама сказала, что не требует вашего немедленного ухода. Но имеет право на рассмотрение своей претензии.

Лена села.

— Я не хочу, чтобы она была бездомной. И не хочу становиться бездомной вместо неё.

В этих двух фразах было больше практического смысла, чем в десятках обещаний политиков, которые вскоре появились в городских новостях.

К вечеру одна из местных газет выпустила материал: «Возвращённые требуют выселения добросовестных семей». Другая ответила заголовком: «Горожане отказываются отдавать украденное». Обе статьи сопровождались фотографиями плачущих людей и почти не содержали юридических деталей. На форумах соседи начали спорить о том, кто заслуживает жалости больше.

Кира Савина, которая привыкла проверять источники, позвонила Мире и попросила предоставить документы без персональных данных.

— Мне надо показать, как возник этот долг, — сказала она. — Не превращать Светлану и Лену в врагов, которых можно обсуждать по телевизору.

Мира согласилась. Она уже понимала, что для восстановления доверия понадобится не только реестр, но и готовность города признать выгоду от чужого исчезновения — не сваливая при этом вину на каждого, кто купил квартиру.

Ночью Лев заехал к ней домой. Мира сидела на кухне с бабушкиной квитанцией.

— Я боюсь узнать, что она действительно взяла деньги, — призналась она.

— Тогда проверим, за что они были, — ответил он.

— А если за то, что мне будет стыдно?

— Ты не обязана отвечать за чужой поступок. Но можешь решить, что делать с его последствиями.

Мира положила ладонь на бумагу. Бабушка не могла объяснить ей свои решения. Можно было попытаться представить оправдание, а можно было изучить документы и принять правду такой, какой она окажется.

— Завтра поедem к Марте, — сказала она.

Лев кивнул, достал из сумки хлеб и предложил приготовить ужин. Мира впервые за день позволила себе перестать считать чужие долги хотя бы на час.

За окном Белая Пристань жила летней жизнью, не замечая, как история возвращается в её квартиры. Люди ставили цветы на подоконники, ремонтировали краны, спорили о школьной форме. И всё это теперь могло оказаться частью большого счёта, который никто не хотел получать.

Мира подумала, что город обязательно должен научиться платить по долгам так, чтобы не выставять новый счёт тем, кто не виноват. Как именно — пока не знала ни она, ни Лев. Но уже был первый шаг: перестать заставлять Светлану и Лену бороться друг с другом вместо тех, кто на самом деле распоряжался их правами.

Глава 3. Суд над отсутствующим

Первое слушание по делу Нечаевой назначили на понедельник. Судья была молода, говорила негромко и постоянно просила участников не превращать заседание в митинг. В зале сидели Светлана, Лена Орлова с мужем, представители города, два адвоката фонда и несколько журналистов. Мира пришла как специалист по архивным документам, Лев — как следователь по связанным уголовным обстоятельствам, но не участник имущественного спора.

Судья начала с простого вопроса:

— Истец оспаривает право нынешних собственников или законность первоначального признания квартиры бесхозной?

Адвокат Светланы ответила:

— Истец оспаривает незаконное выбытие имущества из владения, но не требует немедленного выселения добросовестных приобретателей. Просим признать нарушение и обеспечить сохранность помещения до решения вопроса о компенсации.

За столом Орловых кто-то тихо выдохнул. Лена подняла голову. Она, вероятно, впервые услышала формулировку, в которой её семья не фигурировала врагом.

Представитель города возразил: решение о признании имущества бесхозным приняли много лет назад, по действовавшему тогда порядку; сроки обжалования истекли. На это адвокат Светланы положила перед судьёй документ, подтверждавший её пребывание в Доме по принудительному решению регистрационного отдела. Все двадцать четыре года женщина физически не могла явиться в суд, а её имя было исключено из учётных данных.

— Как можно считать истёкшим срок, если человек был лишён самого права существовать в реестре? — спросила адвокат.

Судья не ответила по существу. Попросила документы и объявила перерыв для их изучения. Это не было победой, но Светлана впервые за много лет ощутила, что её историю воспринимают не как невозможный рассказ, а как предмет юридического разбирательства.

В коридоре суда Лена Орлова подошла к ней.

— Вы действительно не собираетесь выгонять нас до конца дела?

Светлана посмотрела на неё с усталостью.

— Я не хочу, чтобы вы оказались на улице. Но у меня тоже нет дома. И я не могу сделать вид, что никогда не была хозяйкой.

— Я понимаю.

Они обе знали, что до настоящего понимания далеко. Но впервые разговаривали без посредника.

После заседания Мира вместе с адвокатами отправилась в городской архив. Ей нужно было проверить, существует ли единая цепь перехода собственности по нескольким обращениям. Ранее они нашли отметки счёта береговой устойчивости, но отдельные совпадения ещё не доказывали системность.

Она составила таблицу из сорока двух дел. В каждой строке стояли дата исчезновения человека, дата признания имущества бесхозным, дата продажи и назначение средств. Уже первые десять показывали тревожную закономерность: после каждого большого отлива в реестр вносили несколько новых «отсутствующих» владельцев, а их имущество вскоре переводили в фонд безопасности.

— Здесь есть ещё одна вещь, — сказала Анна Куликова, остановившись у старой карточки. — Посмотри на номер акта.

Цифры в делах шли последовательно, несмотря на разные годы и отделы. Между ними оставались пустые места. Мира сопоставила номера с общей бухгалтерской книгой и поняла: отсутствующие номера относились к сделкам, документы о которых были изъяты из открытого архива.

— Значит, фонд вёл собственный список имущества, — сказала она. — Не просто получал деньги от случайных продаж.

Анна кивнула.

— Когда-то я видела подобную книгу у своего мужа. Он работал с муниципальными землями. Если владельца нельзя было найти, участок переводили на особый счёт. Но даже тогда должны были искать наследников. Здесь этого почти нигде не делали.

Мира вызвала Льва. Он приехал с официальным разрешением на копирование закрытых дел и предложил привлечь независимого бухгалтера. Она согласилась. Архивист не должен был единолично решать вопросы, в которых могли понадобиться судебные эксперты.

К вечеру появились первые суммы. Проданное имущество оценивали сильно ниже рыночной стоимости, часто по старому кадастру. Но кредитные обязательства списывали по

полной сумме, словно город получал от сделки вдвое больше. Деньги между тем уходили не только на гидротехнику. В расходах значились административные помещения, представительские услуги и содержание учреждений, не имеющих отношения к безопасности.

— Вот где спрятали долг, — сказал бухгалтер, изучив несколько проводок. — И вот почему нынешний город не может найти средства для компенсации. В балансе давно записано, что долг погашен. Хотя настоящим кредитором был человек, которого не спросили.

Мира записала определение: «Непогашенный долг перед потерпевшими от принудительного выбытия имущества». Ей хотелось, чтобы оно звучало менее сухо. Но именно сухая бухгалтерская формулировка могла убедить тех, кого не трогали чужие слёзы.

Тем временем в городе разгорался спор. Советник по недвижимости Аркадий Кадочников предложил простое решение: немедленно признать все сделки со спорным имуществом недействительными и вернуть квартиры прежним владельцам. На митинге у администрации ему аплодировали люди, которые годами не могли добиться ответа.

— Никаких переговоров! — кричал он. — Украденное должно быть возвращено!

Лев посмотрел запись выступления и нахмурился.

— Слишком удобно.

— Кому? — спросила Мира.

— Ему. Если квартиры начнут массово изымать, их нынешние владельцы станут продавать имущество по бросовой цене, чтобы избежать суда. А он руководит агентством скупки недвижимости.

Мира нашла подтверждение в открытом реестре юридических лиц. Кадочников действительно входил в совет директоров компании, специализирующейся на выкупе проблемных объектов. Сама по себе эта связь не доказывала преступления. Но делала его призыв не таким бескорыстным, каким он выглядел на сцене.

Соня тем временем собирала людей в фонде. Она пыталась объяснить, почему немедленные выселения могут создать новых пострадавших. Некоторые слушали. Другие обвиняли её в предательстве.

— Ты ведь сама вернулась из Дома, — сказала пожилая женщина. — Почему защищаешь тех, кто живёт в наших квартирах?

— Потому что я помню, каково это, когда твою судьбу решают без тебя, — ответила Соня. — Не хочу, чтобы теперь мы делали то же самое с чужими семьями.

Разговор закончился тяжело. Несколько человек ушли, отказавшись участвовать в дальнейших заседаниях фонда. Соня не пыталась удержать их угрозами и не объявила врагами. Позже Лев нашёл её у окна, где она смотрела на вечерний город.

— Тяжело? — спросил он.

— Да. Я думала, после возвращения мы хотя бы в одном будем едины. Оказалось, что у нас разные жизни. Даже когда нас лишали одного и того же.

— Это нормально.

— Нормально, но больно.

Лев обнял сестру. Она не отстранилась.

Вторая проблема пришла оттуда, откуда Мира не ждала. На работе ей сообщили, что её собственная квартира внесена в предварительный список спорного имущества. Под основанием числилась та самая квитанция бабушки. Пока никто не предъявлял претензии, но запись уже попала в городскую систему. Банк, где у Миры был небольшой кредит на ремонт, прислал уведомление о необходимости уточнить правовой статус объекта.

Мира позвонила кредитному специалисту, объяснила, что проводится архивная проверка, и попросила не делать выводов до решения суда. Банк согласился дать время. Но Мира впервые почувствовала страх семьи Орловых не как отвлечённую юридическую задачу, а как угрозу собственному дому.

Лев узнал о письме вечером.

— Ты могла сказать мне раньше, — сказал он.

— Я хотела сначала разобраться.

Он замолчал. Мира узнала этот тон: после истории с бабушкиной запиской он плохо переносил её привычку защищать близких молчанием.

— Я не скрывала ничего важного для нашего расследования, — добавила она.

— Для расследования — возможно. А для тебя?

Мира села на край стола.

— Боюсь, что потеряю квартиру. И боюсь, что ты предложишь мне переехать к тебе просто потому, что так будет удобнее.

Лев удивился.

— Я бы предложил помощь. Но решение всё равно твоё.

— Знаю. Просто иногда мне трудно отличать помощь от чужой попытки всё устроить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.